

ПАРАДОКС КАФФИ

Андреа Каффи (1887–1955) гораздо менее известен, чем Никола Кьяромонте, который считал его своим учителем. Между тем интеллектуальное наследие этого итальянского интеллектуала, родившегося и воспитанного в России, заслуживает внимания по крайней мере по нескольким причинам — равно как и его неординарная личность и достойная отдельного исследования биография. Творчество Каффи представляет собой явление с пограничья общественной мысли, политической философии и философской публицистики. В тех или иных его трудах эти составляющие присутствуют почти всегда, хотя и в разных пропорциях. Мысль Каффи является оригинальной реакцией на кризис культуры в XX веке — и столь же оригинальной попыткой противодействия ему. Она не перестает поражать своей актуальностью: порой складывается впечатление, что сегодня некоторые из его тезисов еще более верны, чем в тот момент, когда они были сформулированы: семьдесят лет назад или еще раньше. Для польского исследователя немаловажен тот факт, что итальянский мыслитель хорошо знал польскую культуру и свои рассуждения по более широким вопросам довольно часто иллюстрировал примерами из истории Польши. Если же он, как автор этих слов, интересуется вдобавок русской мыслью, то творчество Каффи даст ему исключительно благодарный материал для рассуждений о взаимных влияниях. Тому, кто знаком с русской мыслью, сложно при чтении Каффи не распознать в его рассуждениях характерные для русской философии идеи, пусть и в переработанном виде. Их слабые, но всё же узнаваемые контуры дают о себе знать словно под поверхностью его мысли. Их выявление помогает понять Каффи, хотя и не является необходимым и не оказывает решающего значения на направление интерпретации.

Да и сама биография Каффи — может быть в еще большей степени — вызывает ассоциации с жизнью ряда российских философов-эксцентриков, о которых итальянский автор, несомненно, слышал (а с некоторыми мог даже и контактировать лично до революции). Речь идет о Соловьеве, Розанове и особенно Федорове. Впрочем, это относится ко

второму, менее бурному этапу его жизни. Каффи родился в Петербурге в семье итальянских эмигрантов, учился в экспериментальной «реформированной школе», о которой годы спустя отзывался как о крайне успешном примере гуманитарной педагогики. Специфической чертой этого учебного заведения, функционировавшего как-никак в условиях самодержавной монархии, было игнорирование общественных различий — оно было открыто для всех учеников, независимо от национальности, класса и общественного положения родителей. Как и многие русские молодые люди с интеллектуальными амбициями, Каффи учился в Германии, откуда вернулся в Россию, чтобы участвовать в первой революции, что окончилось для него двумя годами тюремного заключения. После начала мировой войны он пошел добровольцем во французскую армию, затем был призван в итальянскую. В бою себя не жалел и был дважды ранен. Снова оказавшись в России, принял участие в революции 1917 года, работал в бюро Коминтерна, но вскоре прогневал большевиков и оказался в тюремной камере на Лубянке. Окончательно покинул Россию в 1923 году и после трехлетнего пребывания в Италии, где укоренялся фашизм, эмигрировал во Францию, чтобы остаться там до конца жизни. Именно во Франции он начал вести жизнь одинокого интеллектуала-аскета, сосредоточенного на вопросах духа, полностью игнорирующего материальную сторону существования и достаточно последовательно отвергающего возможности стабилизации, даваемые всё еще многочисленными друзьями из разных кругов. Можно сказать, что о нем, человеке без собственного дома (как Соловьев), щедром, несмотря на нищету (как Федоров), забыли — особенно после войны. Каффи был редактором нескольких журналов и со многим сотрудничал. Среди них мы найдем издания, имеющие историческое значение — римский *Tempo Presente*, нью-йоркский *Politics* — равно как и нишевые однодневки. Наиболее важные из его разрозненных текстов вошли в два сборника: *Scritti politici* с предисловием Джини Бьянко (1970) и *Critica della violenza* с предисловием Никола Кьяромонте ¹ (1966). В первом оказались работы публицистического характера, комментарии к текущим событиям, а во втором — более теоретические рассуждения. По

¹ Ср. N. Chiaromonte, *Andrea Caffi* [в:] idem, *Granice duszy*, Warszawa 1996.

мнению Кьяромонте, мысль Каффи имеет крайне несистемный, фрагментарный характер и тем самым полностью отражает личность автора.

Тем не менее мы постараемся эту мысль если не систематизировать, то хотя бы упорядочить, пусть даже и вопреки намерениям ее автора. Ведь и сам Кьяромонте, в конечном итоге, выявлял у Каффи одну ведущую идею. Мы убеждены, что эта идея — и данная позиция не противоречит интерпретации Кьяромонте, хотя и несколько отличается от нее — состояла в видении свободного, живого сообщества, в которой отдельная личность в гармонии с коллективом обретала бы возможность более полного, чем где бы то ни было, развития. Это сообщество, согласно Каффи, имело много черт русской соборности с тем отличием, что эта соборность была бы основана не на религиозной и традиционной, а на гуманистической почве. Однако это отличие менее существенно, чем кажется, особенно, если принять во внимание тот факт, что в XX веке и русские мыслители (Вышеславцев, Франк, Гессен) видоизменяли идеал соборности и, как минимум, частично его обмирщали, стараясь при этом сохранить его изначальный дух. Хотя Каффи ни в одном из известных мне текстов не ссылается на славянофилов, с которыми он, впрочем, мог и не быть знаком, двигался в том же направлении, что и преобразовавшие их идеал мыслители Серебряного века. Его представление о живом сообществе находит свою основу в убеждении о неразрывной, органичной связи личности с коллективом, столь тесной, что вопрос о том, кому принадлежит приоритет — личности или коллективу, оказывается совершенно лишен смысла². С одной стороны, конкретна личность, с другой же — ее невозможно представить себе в отрыве от коллектива, который неустанно воспроизводит себя, вступая во взаимодействие с другими, влияя на них и подвергаясь их влиянию (коллектив играет свою позитивную роль даже в бунте личности против коллектива)³. Залогом счастья личности, сводящегося к максимально полной актуализации ее потенциала, являются ее гармоничные отношения с коллективом⁴. В реально существующих сообществах они почти всегда далеки от этой гармонии; дисгармония, противоречия,

² Ср. A. Caffi, *Individuo e società* [в:] idem, *Critica della violenza*, Roma 2017 [ниже обозначается сокращением: Cv], с. 31, 35.

³ Ср. A. Caffi, *Società e gerarchia* [в:] Cv, с. 66

⁴ Ср. Ibidem.

напряженность присутствуют в них даже там, где об их присутствии не подозревали даже ведущие мастера подозрения. Например, всегда дает о себе знать противоречие между экономической практикой и действующими нормами морали, а, следовательно, вопреки Марксу, даже в стабильном капиталистическом обществе нет согласованности между «базисом» и «надстройкой». Создание подлинного сообщества является целью правильно понятого, нацеленного на освобождение социализма. Однако здесь мы не сможем ответить на вопрос, какими чертами должно, по мнению итальянского мыслителя, характеризоваться такое сообщество. Мы коснемся этого, обсуждая представленные им диагнозы кризиса современности, предложенные способы противодействия ему и средства создания подлинного сообщества. Такой метод представляется наиболее удобным в связи с тем, что определенные категории, являющиеся ключевыми для понимания социального идеала Каффи, также оказываются важными звеньями его исторического диагноза.

Можно по-разному классифицировать столь многочисленных в XX веке катастрофистов, пессимистов и диагностов кризиса цивилизации, в том числе основываясь на том, находили ли они в прошлом аналогии для тех событий, свидетелями которых были. Некоторые из них стремились подчеркнуть значение современных событий и найти ключ к ним, сравнивая их с уже описанными великими историческими потрясениями. К этой категории можно отнести среди прочих Шпенглера и Тойнби (к которому Каффи относился несколько иронически). Сам Каффи принадлежал к другой, менее многочисленной группе авторов, считавших кризис современности беспрецедентным. Середина XX века, когда Каффи окончательно оформляет свои диагнозы, имея возможность охватить взором несколько бурных десятилетий, свидетелем которых он был, — это, по его оценке, пост-демократическая и пост-мещанская эпоха. Обе эти характеристики, сообщая нечто важное, тем не менее, могут ввести в заблуждение, так как, по мнению Каффи, подлинной демократии в современной Европе никогда не было, а правление мещан было скорее исключительным явлением. Да, существовало мещанское общество, но и оно уже относится к прошлому. «[...] После 1918 года ни в одной стране, включая и Соединенные Штаты, нет экономической системы, общественных зависимостей, политической власти, которые можно было бы обоснованно квалифици-

ровать как “мещанские”, отождествляя это с реализацией, пусть бы и в общих чертах, того, что провозглашалось в англо-саксонских и французских “декларациях прав” [...]»⁵. Однако исключительность нашего времени определяется не его переходным характером, — переходные эпохи вовсе не редкость (к примеру, такой эпохой был протокапитализм, который пришел на смену феодализму, окончившемуся гораздо раньше, чем принято считать — уже в XIII веке), — а невероятным масштабом осуществляемого в наше время насилия. «В восемнадцатом веке и на протяжении значительной части девятнадцатого, несмотря на всеобщий призыв, введенный французской революцией, насилие применялось лишь в исключительные моменты или в ограниченных сферах: по сути, оно было делом профессионалов; многие полагали, что человечество идет к ограничению его интенсивности и гуманизации. Лишь после 1914 года мы вступили в эпоху тотального насилия, без различия и без передышки»⁶.

Чтобы правильно понять смысл этого утверждения, мы должны внимательнее изучить рассуждения Каффи о современных социальных преобразованиях. Исходным пунктом итальянского мыслителя является утверждение, «[...] не столь наивное с социологической точки зрения, как могло бы показаться сторонникам марксизма [...]»⁷, о том, что в социуме можно выделить три основных «класса» — конечно, не в марксистском смысле — власть, народ и общество (*la società*). В любом социуме, иными словами, есть правители, огромная масса работяг, имеющих, по выражению Прудона, только право «молиться и платить», и группа людей, свободных, хотя бы в какой-то степени, от материальных забот, дистанцирующихся как от власти, так и от народа. Триадическая концепция социума не была оригинальной идеей Каффи, он признавал, что заимствовал ее из русской публицистики XIX века. В XX веке в этой триадической конфигурации произошли значительные «сдвиги», связанные с трансформациями отдельных «классов». Рассмотрим каждый из них подробнее.

В отличие от известного социолога Вильфредо Парето, исследовавшего механизмы циркуляции элит, Каффи не считает управление другими самым благородным человеческим призванием, а потому последовательно

⁵ A. Caffi, *Borghesia e ordine borghese* [в:] idem, Cv, с. 180.

⁶ A. Caffi, *Critica della violenza* [в:] idem, Cv, с. 72.

⁷ A. Caffi, *Individuo e società*, op. cit., с. 36.

отказывает политическому классу в звании элиты. Правящие другими могут иметь добрые намерения, однако, находясь во власти настойчивого стремления к достижению поставленных целей — «правление является занятием увлекательным»⁸ — игнорируют субъектность «подданных». Потому они представляют собой пример неправильно понятой ответственности, а их литературным прототипом следовало бы признать Великого Инквизитора из «Братьев Карамазовых»⁹. Обретя политическую власть, они имеют в своем распоряжении колоссальный аппарат насилия современного государства (созданный, собственно говоря, при участии социал-демократов и с мыслью об улучшении положения трудящихся классов), который может быть использован в любых целях. Технический прогресс привел лишь к совершенствованию этой зловещей машины; она стала столь мощной, что в непосредственном столкновении с ней личность («рядовой гражданин») обречена на поражение, что, впрочем, не означает, что у нее нет никаких возможностей для успешного сопротивления. Если прибавить к этому техники манипулирования массами, не ограничиваясь пропагандистским аппаратом, становится понятным утверждение Каффи о том, что мы имеем дело с «[...] уже тоталитарным государством под вывеской “демократии” [...]»¹⁰. Хотя Каффи, как уже было сказано, считал 1914 год поворотным моментом в истории европейцев, прототипы централизованного бюрократического государства и тоталитаризма, будь то явного или скрывающегося под фасадом демократии, он искал в более далеком прошлом. Явно авторитарный и протототалитарный характер — в отличие от многих других исследователей политики, у итальянского автора нет жесткого противопоставления авторитаризма и тоталитаризма, он видит между ними отличие скорее количественное, чем качественное — имели уже республиканская конституция VIII года и режим Наполеона I. То же можно сказать и о Католической Церкви — современное государство, стремящееся к подчинению себе всех сфер жизни, выдвигает такие же претензии, как и Церковь в Средние века. Впрочем, суждение Каффи о Церкви, несмотря на всю критику, не

⁸ Idem, с. 40.

⁹ Idem, с. 36.

¹⁰ A. Caffi, *I ragionamenti di Koestler* [v:] idem, *Scritti politici*, Firenze 1970, с. 368.

ограниченную никакой самоцензурой, не было столь прямолинейным. Например, он обращал внимание на то, что в прежние времена иезуитское образование, в отличие от современного государственного, было инструментом не только индоктринации, но и передачи подлинных ценностей культуры. Это подтверждает тот факт, что именно из иезуитских школ вышли великие деятели Просвещения, включая Вольтера.

Государство противопоставляет себя как народу, так и обществу, однако его главным коллективным «коррелятом» является народ — просто потому, что (похоже, об этом Каффи не пишет) оно может прекрасно обойтись без общества и очень часто стремится к тому, чтобы его сократить, но если бы исчез народ, оно бы потеряло возможность и смысл своего существования. Ведь государство существует для того, чтобы угнетать народ, обеспечивающий его существование. Всё творчество Каффи проникнуто глубочайшим сочувствием к народу, которого из века в век «подавляет» (*schiacciare*) власть. Хотя в этом сочувствии и нет мартирологических и христологических акцентов, оно вызывает ассоциации с установкой, распространенной в русской литературе XIX века и легко передается читателю, что свидетельствует об искренности чувств итальянского автора. Условиям жизни народа нельзя позавидовать: с давних пор его принуждают работать, по сути, даром, но сам он даром не получает ничего; в духе покорности его воспитывают Церковь и открыто призывающие к отречению от себя религиозные секты наподобие Свидетелей Иеговы и методистов; и сомнительное утешение он мог искать лишь в том, что его положение, не меняющееся веками, хотя бы не может ухудшиться. Однако преобразования современного социума доказали, что и это возможно. Такое невыгодное изменение его положения произошло на фоне промышленной революции и развития современного капитализма, повлекших за собой превращение народа в массу. Не до конца выяснен вопрос о том, как масса соотносится с пролетариатом — взаимозаменяемы ли для Каффи эти понятия или же они не синонимичны: масса наверняка является более широким понятием, чем пролетариат у Маркса, и уже заняла место народа. Она представляет собой продукт происходящих одновременно разрушения традиционных общин, материальной пауперизации и культурной депривации, однако именно последняя оказывается решающим фактором. Условное, а в современных обществах даже более чем

условное улучшение материальных условий масс — например, в результате социал-демократической социальной политики, по сути ничего не меняет в их положении: даже не потому, что после распада традиционных общин они остаются скопищем атомизированных личностей, а потому, что вместе с разрушением этих общин эти личности утратили связь с культурой. В прошлом они участвовали не только в народной культуре, которую Каффи не склонен идеализировать, но также имели прямой доступ к высокой культуре. Разделение на высокую и популярную культуру — относительно новое, в домодерную эпоху оно было неизвестно: великие мастера барокко и даже классицизма адресовали свои творения представителям всех сословий, в том числе плебса. Мерой культурной депривации народа, превращающегося в массу, служит вырождение подлинных праздников, ликвидирующих социальные барьеры, позволяющих народу интегрироваться с другими слоями социума; праздников, в ходе которых он является не пассивным зрителем, как на спортивном матче, но, как во времена римских сатурналий, соучастником и соделателем происходящего. Сколь достойным сожаления представляется Каффи положение масс, отрезанных от культуры, мы в полной мере осознаем лишь тогда, когда он приводит мнение Т. С. Элиота, который в *Notes Toward a Definition of Culture* определяет культуру «как то, благодаря чему жизнь стоит прожить»¹¹. Следовательно, жизнь масс и каждой растворенной в них личности оказалась бы лишена ценности, если бы было невозможно — по крайней мере, для личности — подняться над массой и вновь обрести связь с культурой. Однако из рассуждений Каффи неопровержимо следует, что хотя эту связь можно утратить и эту утрату невозможно компенсировать никакими средствами, всегда есть шанс обрести ее заново — потеря никогда не бывает необратимой.

В свою очередь, третий элемент социальной конфигурации — общество — является коллективом, который никогда не теряет связи с культурой. Оно, собственно говоря, и не может ее утратить, так как поддержание этой связи является одной из конституирующих черт общества, и потеряв ее, оно попросту перестало бы существовать. Доступ к высокой культуре не только отличает его от народа/массы, но и от «элит» власти, связь ко-

¹¹ A. Caffi, *Stato, nazione e cultura* [в:] idem, *Cv*, с. 130.

торых с культурой проблематична, особенно потому, что в современном мире культура, настроенная обычно субверсивно, пребывает в постоянной оппозиции власти. Общество состоит из лиц, «[...] которые не могут и не хотят ни приказывать, ни слушать [...]»¹², настолько богатых или, как сам Каффи, насколько равнодушных к собственной бедности, что они могут позволить себе отдаться собственным интеллектуальным и эстетическим страстям. Члены общества функционируют вне экономической системы, отношения между ними никак с ней не связаны — с этой точки зрения они воистину «бескорыстные» и, вследствие этого, аутентичные и характеризующиеся беспечностью, которой мы не находим в других кругах. Его характерными чертами являются критика в отношении власти, за которой внимательно следят, выискивая проколы и злоупотребления, а также сострадание к несправедливо обиженным, но вместе с тем и дистанция в отношении народа, свидетельствующая о чувстве превосходства. Следовательно, общество не может рассчитывать на симпатию с чьей-либо стороны: народ и власть объединяются в своей неприязни в отношении к нему: для власти оно является шайкой потенциальных заговорщиков, для народа же — сборищем чудаковатых бесполезных дармоедов. Добавим, что он критически относится ко всем авторитетам, в том числе религиозным — Каффи реабилитирует сознательный атеизм, продиктованный высшими побуждениями, который, по его мнению, заслуживает не меньшего уважения, чем мистицизм. Характерной для общества тенденцией является интерес к внешнему миру, ко всему иностранному, иными словами, ксенофилия и неразрывно связанный с ней космополитизм. По отношению к этому в рамках самого общества господствует терпимость, в нем встречаются на равных люди с разными взглядами и из разных кругов. Разумеется, есть у него и характерные недостатки, чего Каффи не скрывает: здесь процветают снобизм и переменчивая мода; безусловно, не все его члены одинаково ценные индивидуумы. Однако всё это теряет значение по сравнению с его основным достоинством, о котором мы так и не сказали: оно является примером спонтанного, живого сообщества, в котором царит свобода, а личность самореализуется в гармоничных отношениях с другими. Также мы могли бы сказать, оговорив-

¹² А. Caffi, *Nazione e stato* [в:] idem, *Cv*, с. 157.

шись, что сам Каффи никогда не пользовался таким определением, что оно представляет собой реализацию идеала соборности. Давать подобную интерпретацию позволяет хотя бы то, что Каффи считает общество социальной средой, которая исключительно способствует благородству поведения и чувств, позволяя личности проявить самое ценное в себе и вместе с тем раскрывая ее самые лучшие черты. «Позволю себе сказать, что лишь в обществе [...] можно встретить примеры подлинного героизма (а не суррогата, порожденного воинской дисциплиной); подлинной святости (которая очень отличается от экзальтации, руководимой магией, догматами, полезными суевериями); подлинной мудрости (которая совершенно отличается от приспособления к неизбежному); и, наконец, подлинной любви [...]»¹³.

Определенной слабостью представленной Каффи характеристики общества, по поводу которой, впрочем, сложно иметь к нему какие-то серьезные претензии, учитывая, что его рассуждения носят эссеистический, а не строго научный характер, является неясность в отношении того, как и это понятие, и эта общественная категория соотносятся с двумя другими, несомненно, родственными: интеллигенцией и элитой. Как признает итальянский мыслитель, само слово *società* в используемом им значении заимствовано из русского языка. Каффи не указывает, о каком русском слове идет речь, но можно догадаться, что это и есть, собственно, «общество». Мы знаем наверняка (итальянский мыслитель прямо это утверждает), что общество не является экономическим классом, но не стоит его путать и со средним классом, элитой в понимании Парето или так называемой политической элитой. Остается не до конца понятным его отношение к интеллигенции. Русская интеллигенция, которая у Каффи представлена в безусловно выгодном свете — в отличие, например, от авторов «Вех» — наверняка является одним из исторических примеров общества. Однако кажется, что Каффи идет дальше и готов отождествлять с обществом интеллигенцию в широком смысле. Отсюда можно было бы сделать вывод, что интеллигенция, вопреки Тойнби, является не феноменом, характерным для модернизирующихся периферийных социумов, а обязательной составляющей любого — по крайней мере, любого здорового —

¹³ A. Caffi, *Società, „elite” e politica* [в:] idem, *Cv*, с.117.

социального организма. Столь же неопределенным остается взаимоотношение между обществом и подлинной элитой. Известно, что между ними сохраняется тесная связь, однако Каффи не ставит точки над *i*, и, как следствие, мы не знаем, идентично ли для него общество подлинной элите или же элита представляет собой самую ценную его часть.

Пожалуй, эти сомнения не развеивают в множестве приводимые им современные и исторические примеры общества, в иных отношениях достойные внимания и помогающие интуитивно ухватить, что же в конечном итоге Каффи понимает под обществом. Черты общества имело многонациональное и многоконфессиональное содружество учеников петербургской реформированной школы. Многие годы спустя Каффи немедленно распознавал ее воспитанников, где бы их ни встретил: по только им одним видимым особенностям воспитания и языка. Непревзойденным, более того, парадигматическим примером общества являются интеллектуальные салоны Франции XVIII века, которые сыграли эпохальную роль в процессе эмансипации населения Европы. Собственно говоря, они продолжают играть ее до сих пор, поскольку свободлюбивая традиция Просвещения имеет непреходящую ценность. Порождением общества XVIII века, дающим хорошее представление о его стремлениях и царившем в нем духе, является роман той эпохи с его героем вроде Тома Джонса или Жюльена Сореля, критически относящимся к существующим социальным отношениям. Не нужно уточнять, что он оказался гораздо более живучим, чем породившая его среда, современное описание которой можно в свою очередь найти в вольтеровском «Видении Бабука» (*Vision de Babouc*).

Историческим примером общества, который не без удовольствия приводит Каффи, также является польская шляхта XVIII века и вышедшие из нее романтические революционеры. И здесь можно говорить о восхищении, однако несколько иного рода, ибо в данном случае оно смешано с недоверием, которое обычно вызывается явлениями не до конца понятными. Одним из таких явлений является небывалый расцвет общества в полностью дисфункциональном — как бы сказали сегодня, «недееспособном» — государстве, каковым была тогдашняя Речь Посполитая. «Везде беспорядок и крайняя нужда. Однако же шляхта, привычная ко всякому жалкому выклянчиванию, недисциплинированная, глупая, являла собой нечто достойное восхищения, встречаясь на пирах и балах в гостеприим-

ных замках, отправляясь в дерзкие походы, развязывая абсурдные гражданские войны, либо же рассуждая о неизменных принципах свободы, чести и христианского братства. Было в этом что-то, благодаря чему невозможно не ценить польскую анархию больше «справедливости» и «безопасности» под прусской, австрийской или русской властью»¹⁴. Убежденность в том, что шляхта была подлинным обществом, находит подтверждение в свершениях поколения польских романтиков, которые были во многих смыслах ее наследниками. Общество кроет в себе огромный ресурс витальности и творческой энергии, которые проявляются в благоприятных обстоятельствах, причем наиболее «благоприятными» часто оказываются обстоятельства на первый взгляд совершенно иного характера. Беспрецедентная активность польских романтиков на попрание революционной деятельности и художественного творчества как раз была таким выплеском «ресурсов», накопленных шляхтой в ее жарких спорах. Каффи так высоко ценил польский романтизм, и ему столь чуждо представление о «второсортности» польской культуры, что Словацкого он причисляет к самому узкому кругу выдающихся творцов эпохи романтизма и ставит его в один ряд с Гегелем, Стендалем и Кьеркегором¹⁵. Впрочем, эту необычайно высокую оценку общества в Польше в какой-то степени уравнивает одна характерная черта, на которую он обращает внимание: при всем своем впечатляющем расцвете оно, в отличие от французского, долгое время оставалось безразличным к угнетению низших социальных слоев.

Так мы подходим к вопросу, имеющему фундаментальное значение, а именно к вопросу о задачах и миссии общества. Здесь итальянский автор предельно четок: миссия общества состоит в эмансипации народа без претензий на власть. Это хорошо понимала дореволюционная русская интеллигенция, которая никогда не воспринимала себя как будущий правящий класс. В обществе сталкиваются различные представления о ходе будущей эмансипации, различия же определяются степенью субъектности, которую различные сегменты общества готовы признать за народом: от дружелюбного, но также ригористического патернализма через идею самоэмансипации народа после создания подходящих для этого условий

¹⁴ А. Caffi, *Società e gerarchia*, op. cit., с. 60–61.

до видения инкорпорации общества освобожденным народом. О том, каким путем сам Каффи хотел идти к освобождению народа, мы поговорим позже. Пока ограничимся констатацией того, что, по его мнению, абсолютно необходимо удерживать общество от претензий на власть. Это — добавим от себя — совершенно понятно, хотя бы потому, что оно определяет себя через противопоставление власти и не может занять ее место, не дезориентировавшись и не утратив своей идентичности. В данном случае для Каффи важнее теоретических рассуждений был конкретный исторический опыт, показывающий, что общество, идя на компромисс с буржуазией и всякой властью вообще, подвергается эрозии. «Компромисс с государственно-националистически-капиталистическим аппаратом управления (поначалу, возможно, искренний, затем неминуемо продиктованный трусостью) как бы наносит обществу смертельную рану: в конечном итоге, после серии наивных попыток снова привлечь на свою сторону народ, его добивает лавина масс»¹⁶. Однако гибель обществу — вернее, его конкретным воплощениям, поскольку как определенный тип сообщества оно представляет собой надвременное явление, — может принести не только компромисс с властью. Случается так, что оно перестает существовать в результате вмешательства грубой силы, революционного террора или военных потерь. Европейское общество полностью распалось по итогам двух мировых войн.

Теперь, после того как мы реконструировали размышления Каффи о природе и судьбах трех основных элементов социальной конфигурации, можно попробовать синтетически, но точно воссоздать диагноз предложенного им кризиса современности. Он сводится к беспрецедентному разрастанию власти при одновременной атрофии общества и трансформации народа в массу, что равнозначно далеко зашедшей деформации базовой схемы «власть — общество — народ». В зависимости от того, как мы желаем интерпретировать процесс превращения народа в массу — считаем ли мы, что масса заменяет собой народ, либо же что возникновение массы, главным, хотя не единственным субстратом которой является народ, не влечет за собой полного растворения народа в массе — мы будем иметь дело с коренным преобразованием одного из элементов этой ба-

¹⁵ Ср. A. Caffi, *I ragionamenti di Koestler*, op. cit., с. 365.

зовой конфигурации или с появлением в ней новой составляющей. Однако появление массы будет всегда означать фундаментальную угрозу для человечества.

Какой же ответ на извечный вопрос всех «исправителей» мира — «что делать?» — в каком критическом положении она оказалась в результате собственных ошибок? Прежде всего, напоминает он, бывают периоды, когда возможности действия крайне ограничены, однако это всегда имеет переходный характер. В данный момент отсутствуют перспективы быстрой перестройки мира и социума, однако это не должно подталкивать левых к отказу от всякой надежды. История социализма имеет циклический характер. Она знает четыре фазы, каждая из которых начиналась идеалистическим порывом, а кончалась поражением — от Французской революции до «Весны народов», от Первого интернационала до Парижской коммуны, от конца XIX века до начала Первой мировой войны и от большевистской революции до предсказуемого крушения советского коммунизма. Четвертая фаза продолжается, но ее конец уже близок. Поэтому нужно уже сегодня предпринять действия по возрождению левой традиции, на сей раз в недеформированном виде, что положило бы начало пятой фазе. В первую очередь, необходимо отказаться от насилия, как из практических, так и из принципиальных соображений. Современное государство располагает столь развитым и эффективным аппаратом контроля, что обратившиеся к революционному насилию обрекают себя на поражение. Однако прежде всего применение насилия недопустимо в связи с тем, что оно противоречит принципам того сообщества, к которому мы стремимся, а именно универсального, общечеловеческого общества. Крайне оригинальным элементом позиции Каффи, который много говорит о его личности, является последовательный пацифизм, который легко можно было бы принять за еще одно доказательство русского влияния, если бы сам Каффи не считал его очередным бесценным творением эпохи Просвещения, относя источники своего пацифизма к XVIII веку. Выбор в пользу пацифизма вынудил итальянского мыслителя вести полемику с аргументами Симоны Вейль и непосредственно с Артуром Кёстлером. Вопреки утверждениям Вейль, пацифизм является вовсе не подозритель-

¹⁶ Ср. A. Caffi, *Società, „elite” e politica*, op. cit., с. 116.

ным с нравственной точки зрения продуктом инстинкта самосохранения (страха смерти), желающим казаться проявлением благородного этического идеализма, а глубоко гуманистическим проявлением солидарности с чужим страхом смерти (мы все в одинаковой мере не хотим умирать)¹⁷. Полемика с Кёстлером имела более частный характер и касалась того, какую позицию могли бы занять сторонники левых в случае американо-советского конфликта. Автор «Приезда и отъезда» призывал левых в случае глобального конфликта поддержать Соединенные Штаты, так как *paх Americana* был бы меньшим злом, чем *paх Sovietica*. Каффи считал аргументацию Кёстлера полностью оторванной от реалий и трезво констатировал, что категории меньшего и большего зла теряют смысл в условиях конфликта между сверхдержавами, который повлечет за собой многомиллионные жертвы — точно так же, как призыв поддержать одну из сторон, поскольку большинство участников/жертв конфликта не имело бы возможности ни выбора, ни демонстрации своей воли.

Однако отказ от максимализма и насилия был лишь одним из элементов позитивной программы Каффи. Ее основной смысл состоял в призыве придать обществу второе дыхание. Поскольку начало перемен в социальном мире дает вносимый им интеллектуальный фермент, следует его восстанавливать, создавая в лоне современного социума анклавные свободных сообществ, состоящие из людей, которым близки одни и те же идеи свободы. Эти гипотетические сообщества Каффи сравнивает с рассеянными первохристианскими общинами, но само собой напрашивается еще одно сравнение, к которому он по каким-то причинам не прибегает — с интеллигентскими кружками в России XIX века. Долгосрочное воздействие описанных Каффи сообществ на среду могло бы привести к значительным изменениям ментальности, а в дальнейшем — изменило бы облик самого социума, который, лишившись массового характера, обрел бы элементы подлинного сообщества. Итальянский автор прекрасно осознает слабость своей программы, успех которой ничем не гарантирован, но не видит для нее никакой альтернативы. «Несомненно, существует большой риск того, что это дело искупления, опираясь на хлипкий фундамент доб-

¹⁷ Ср. A. Caffi, *Stato, nazione e cultura*, op. cit., с. 147.

рой воли и жалких материальных средств, рухнет перед лицом поражений или будет заторможено превосходящими силами противника. Однако все прочие пути ведут в тупик»¹⁸.

Знакомство с творчеством Андреа Каффи может стать ценным интеллектуальным опытом независимо от места и времени. В нашу эпоху, после того как многие из его диагнозов и прогнозов (экспансия массовой цивилизации, упадок советского коммунизма, растущее вмешательство государства в жизнь личности) нашли подтверждение в действительности, в мире, всё больше погружающемся в борьбу «демократии» с «популизмом» (оба эти понятия я ставлю в кавычки, чтобы показать, что отношусь к ним как к ярлыкам, обозначающим враждующие друг с другом партии, а не как к терминам, что-либо говорящим об их природе), этот опыт ценен вдвойне. Однако в определенный момент появляется сомнение: не был ли итальянский мыслитель, у которого глубокое осознание исторической компрометации левого движения соединено с неослабевающей надеждой на его возрождение и осуществление в отдаленном будущем его подлинных идеалов, кем-то наподобие социалистического Дон Кихота, неспособного расстаться с юношескими иллюзиями. Поэтому в заключение постараемся сформулировать, чем определяется оригинальность его позиции, особенно с перспективы сегодняшнего дня, и что среди этих оригинальных тезисов и сюжетов представляется попросту верным.

В эпоху, которая приучила нас к легкости нападок на Просвещение, в первую очередь бросается в глаза как раз привязанность к просвещенческой традиции и необычайно высокая оценка XVIII века, идеалы, гуманизм и благовоспитанность (фр. *politesse*) которого Каффи последовательно противопоставляет варварству XIX века. Его мнение об эпохе Просвещения — нюансированное и однозначно положительное; да, он обращает внимание на ее мрачные аспекты, в том числе явления, предвещающие возникновение тоталитаризма, однако не считает, что это может оказать решающее влияние на оценку наследия эпохи, благодаря которой в нашей культуре присутствует стремление к эмансипации. Это означало

¹⁸ Ср. A. Caffi, *I ragionamenti di Koestler*, op. cit., с. 368

бы, что невозможно дискредитировать Просвещение, не отрекаясь от свободы.

В первый момент критика массовой цивилизации и тоталитаризма может показаться важным, но не слишком оригинальным сюжетом — об этом много писали в XX веке. Однако эта предварительная оценка оказывается ошибочной. В представленном итальянским мыслителем диагнозе тоталитаризма мы найдем несколько редких тезисов. Само противопоставление тоталитаризма и демократии у него ослаблено в результате подчеркивания тоталитарных аспектов, или, выражаясь более осторожно, тоталитарного потенциала существующих в настоящее время демократий. Ослаблению этого противопоставления способствует и то, что он обращает внимание на роль масс в обеих системах, то есть признает их двумя вариантами массового социума, заслуживающего осуждения. Такое происхождение тоталитаризма Каффи реконструирует нетипичным образом — хотя бы потому, что обращает внимание на ту нешуточную роль, которую в подготовке почвы для тоталитаризма сыграли социал-демократы, особенно немецкие.

Крайне оригинальной, в том числе в силу ее радикального характера, является критика исторического левого движения. Каффи очень сурово оценивает наследие обоих его течений: социал-демократического и коммунистического, западного и восточного. Что интересно, в своей оценке он повторяет аргументы, к которым каждая из фракций прибегает в критике своих оппонентов: вместе с коммунистами он осуждает социал-демократов как оппортунистов и вместе с социал-демократами считает коммунистические методы преступными. Дополнением этой безжалостной, тотальной критики является новое определение социализма как борьбы с массовым социумом, а порой как борьбы с явно или криптототалитарным государством, которое нуждается в массах для своего существования и постоянно их воспроизводит.

Это придает социализму Каффи особый характер, а именно сближает его с либертарианством. Как и либертарианцы, он относится с крайним недоверием к структурам, создаваемым сверху, и хотел бы ограничить их роль до минимума, однако не для того, чтобы высвободить инициативу личности, а для того, чтобы сделать возможным образование свободного,

спонтанного сообщества, в рамках которого личность только и может обрести шанс на самореализацию. За этим кроется убеждение в том, что создание сообществ, причем свободных, является внутренней потребностью человека, действием автотелическим, а не продиктованным обстоятельствами, такими как необходимость господствовать над природой или защита от внешнего врага. Это явно руссоистский сюжет, являющийся наиболее слабым в рассуждениях мыслителя.

Что же является самым сильным пунктом? Полагаю, всё то, что Каффи говорит об обществе, а особенно призыв к сознательному ограничению политической ангажированности; указание на то, что способом воздействия культуры на политическую действительность является сохранение культурой дистанции в отношении политики. Культура становится существенным политическим фактором только тогда, когда ей удастся в какой-то степени научиться игнорировать политику. Назовем эту закономерность «парадоксом Каффи». Об этом нельзя забывать, поскольку важной тоталитарной чертой современных социумов является, помимо разрастания государства и присутствия масс, политизация всех сфер жизни. Чем более политизирована культура, тем более она способствует укреплению «тоталитарных» тенденций, независимо от тех идей, которым служит; чем более она аполитична, тем более противодействует этим тенденциям, независимо от того, о чем говорит.

Перевод Антона Беспалова

Published in: *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2022. Т. 5, № 2.